
ФИЛОСОФИЯ

УДК 101

М.М. Шульман*Южный федеральный университет**Ростов-на-Дону, Россия*

schulman@sfnedu.ru

**ОБУЧЕНИЕ «СЛУШАНИЕМ СЛОВ УЧИТЕЛЯ»
И «ПОДРАЖАНИЕМ УЧИТЕЛЮ»:
ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ
И РЕМЕСЛЕННИК «В ТЕНИ БОГА»¹****[*Mikhail M. Shulman* Training by "hearing words of the teacher"
and «imitation teacher»: Filo of Alexandria and the handicraftsman
«in a shadow of God»]**

Ideas of knowledge on the cognitive line that are alternative to Vitruvian, on materials at its sources – Filo's of Alexandria treatises – in Precept concepts are considered. The idea could be kept in an elementary form during two thousand years until it woke up to new life in an early capitalist absolutism. Here the handicraftsman acts «in a shadow of God», he «is urged to do» (from here is Luther's Beruf – *a profession and vocation*) and can use creative knowledge which grants Supreme. This creative knowledge during New Time leaves «a shadow of God» and is realized into technological knowledge. But the understanding of knowledge of what can be given, leads to partitioning of knowledge into teachers, schools that teach «all knowledge», and to disciplines.

Key words: teaching knowledge, knowledge "by ear", "know how", technological knowledge.

В статье «Знание, ориентированное на истину, и знание, направленное на пользу: терминологические основания проблемы взаимопревращения научного и технологического знания» [18, с. 59-74] мы показали, что на когнитологической линии, восходящей к признанию наличия некоего «природного» начала совокупности всех вещей, четырнадцать веков сохранялся единый принцип объяснения технологического знания. Для каждого природного объекта или явления его основополагающим составом (соотношением «начал», стихий) определяется специфический набор его свойств, наблюдаемых человеком, но не подлежащих оценке. Здесь качество вещи – это ее *usus*, «польза», переводим-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-03-50211.

мая на русский язык как «качество», – возникает только в контексте человеческой деятельности. Единственным источником процессуальности выступает сам мастер-артист-искусник, деятельностью которого, по известной формулировке Аристотеля (Физика, 199а) полностью определяется природа продукта: «...как делается каждая вещь, такова она и есть по своей природе, и какова она по природе, так и делается, если ничто не будет мешать» [2, с. 44].

В этой, античной по происхождению, «витрувианской» традиции человеческие дела не неизменны и общи, но конкретны и изменчивы, поэтому к предмету науки (*epistemē*) они не относятся. Искусство (*ars, tekhnē*) направлено не на изучение сущего как такового, а на создание вещей. Искусство (*ars, tekhnē*) появляется тогда, когда на сходные предметы вырабатывается единый общий взгляд, объединяющий многие эмпирические представления, благодаря которым приобретает навык или опыт. Этот навык или опыт возникает из часто повторяющихся воспоминаний об одном и том же. Но содержание этих воспоминаний составляют восприятия единичных предметов. Поэтому сам опыт имеет дело только с единичными предметами.

Различие между практическими науками (*epistemē*) и искусствами (*tekhnē*) есть различие между практическими знаниями и навыками изготовления вещей. Объединяет знания практические и искусства то, что они имеют дело с объектами изменяемыми и зависящими от нас, и этим они противопоставлены объектам знания умозрительного. Способность обращаться с зависящими от нас и изменяемыми объектами есть «*умение*» – *dynamis*¹. «А ремесленники подобны некоторым неодушевленным предметам: хотя они и делают то или другое, но делают это, сами того не зная [например, огонь, который жжет]; неодушевленные (*ἀψυχὰ*) предметы в каждом таком случае действуют в силу своей природы (*φύσει*), а ремесленники (*χειροτέχνας*) – по привычке (*δι' ἔθος*)». (Метафизика.980 а – 981b).

Выражение когнитивности, альтернативной Витрувианской, мы находим у Филона Александрийского [17] – одного из двух авторов, писавших по-гречески в первой половине первого века новой эры, труды которых сохранились [1, с. 50]. Это – когнитивность, в основе которой лежит идея Завета. Филон Александрийский был, по словам Иосифа Флавия, «человек, пользовавшийся широкой известностью, брат алабарха Александра и большой знаток

¹Этот термин обозначает у Аристотеля: *способность, возможность, потенция, значение, смысл, влияние, сила*.

философии» [8, с. 236]. Однако, несмотря на широкую былую известность, о личной жизни Филона сведений немного. Неизвестны даже точные даты его рождения и смерти. А.Ф. Лосев датирует рождение Филона 21 или 28 г. до н.э., смерть – 41 или 49 г. н.э. Торрей Силэнд считает наиболее правдоподобной датировку рождения между 20 и 15 гг. до н.э. и смерти между 45 и 50 гг. н.э. [25]. Е.Д. Матусова относит время его рождения к 20-10 гг. до н.э., а смерти – к 40-м гг. первого века н.э. [12, с. 7]. Известно, что Филон принадлежал к богатой и влиятельной семье в Александрии [23, pp. 591- 602]. О его собственной семейной жизни известна только одна фраза, приписываемая его жене. Когда ее спросили, почему она не носит золотые украшения, подобающие женщинам ее сословия, жена Филона ответила: «Достоинства мужа – лучшее украшение для жены» [11, с. 76].

Больше сведений сохранилось о семье брата Филона, Александра Лисимаха, который был «алабархом»¹. Облицовки из золота и серебра девяти из десяти ворот Иерусалимского Храма, включая косяки и притолоки, размером тридцать локтей высоты и пятнадцать ширины, были пожертвованы Александром Лисимахом². Известно, что один из племянников Филона, сын Александра Лисимаха, Марк Юлий Александр, женился на дочери царя Агриппы, Беренике [8]³.

Другой племянник Филона, Тиберий Юлий Александр – ренегат, сменивший иудейство на римское язычество, сделал блестящую карьеру на римской службе. В 47-48 гг. он был прокуратором Иудеи, приблизительно в 66–70 служил префектом Египта, где в 68 г. подавлял войсками восстание евреев в Александрии [10, с. 70]⁴. При осаде Иерусалима в 66-70 гг. Тиберий Юлий занимал высший после Тита (да сотрется имя его!) начальнический пост в римском войске: был префектом лагеря римлян, осуществлявшим верховный надзор над всем лагерем.

---

¹ Должностное лицо, стоявшее во главе еврейского населения Александрии и, возможно, имевшее отношение к налогам и таможенным сборам. Есть мнение, что слово происходит от искаженного *ʾygabʿrḥj*, говорящего о ведении налогами и пошлинами на всей «арабской» стороне Нила, то есть от Нила до Красного моря.

² Иосиф Флавий. Иудейская война (V, 5, 3), Цит. изд., с. 337. Этим фактом Флавий свидетельствует не только о богатстве Александра Лисимаха, но его благочестии.

³ Иосиф Флавий. Иудейские древности (XIX, 5, 1), Цит. изд., т. 2. Старшая дочь Агриппы I, правнучка Ирода «Великого», Береника родилась в 28 г. н. э. и в 13 лет была выдана замуж за племянника Филона, Марка. После смерти Марка Береника была вновь выдана замуж за получившего Халкидское царство брата Агриппы, Ирода, от которого имела двух сыновей. Овдовев вторично (в 48 г. н. э.), Береника поселилась у своего брата Агриппы II, который унаследовал трон Ирода. Около 65 г. она в третий раз вышла замуж – за Полимона II, Царя Олбы в Киликии, но вскоре покинула мужа и вернулась во дворец брата.

⁴ Во время сочетавшегося с погромом подавления восстания было убито более 56000 евреев.

Предполагается, но не считается возможным быть доказанным, что сам Филон имел официальное положение в еврейской общине Александрии, скорее всего связанное с судебной деятельностью [22, pp. 77-79]. Творческое наследие Филона составляет 48 трактатов, занимающих более чем 2600 страниц текста в стандартных изданиях его работ. «Труды Филона, – пишет Дж. Диллон, – хотя они местами и утомительно скучны, заслуживают того, чтобы их признать одним из величайших *tours de force* в истории человеческой мысли» [6, с. 147]. Давид Т. Руниа приводит список многочисленных ссылок на трактаты Филона, сделанные различными авторами до 1000 г. н.э., – список, говорящий о широкой популярности текстов Филона [20, pp. 111-121]. Филона, с указанием имени, цитируют Иосиф Флавий (37– ок. 100), Клемент Александрийский (ок. 150 – ок. 215), Ориген (ок. 185–254), Анатолий Александрийский, епископ Лаодикии¹ (ум. Ок. 280), Евсевий Кесарийский (ок. 260 – 339), Дидим Слепец (313–398), Василий Кесарийский (ок. 330 – 379), Григорий Нисский (ок. 338 – ок. 395), Иоанн Хризостом (проповеди дат. 387), Амбросий (339 – 397), Руфин Аквилейский (ок. 345 – ок. 410), Иероним (347 – 420), Федор Мопсуестийский (ок. 350 – 428), Августин (354–430), Кассиодор (487– с. 580), Исидор Севильский (ок. 570– 636), Иоанн Дамаскин (ок. 675 – ок. 750), Беда Достопочтенный (ок. 673–735), Фотий, Патриарх Константинопольский (ок. 820 – 891), Суда (ок. 1000) и др. Значительно и прямое использование текстов Филона без указания его имени. Как пишет Е.В. Афонасин, Клемент Александрийский цитирует Филона или использует его текст довольно часто, более 200 раз, но само имя упоминает только четыре раза. Однако «именно за этими четырьмя упоминаниями следуют обширные заимствования и многостраничные парафразы, так что Клемент “сознается” примерно в 38% используемого из Филона материала». (Ссылка на: *Annewies van den Hoek. Technique of quotations in Clement of Alexandria. Vigiliae Christianae, 50 (1996) 223–243, esp. 232*) [3].

Первое, что заметно как альтернативное «витувианскому» подходу – это отношение к ремесленничеству. Для Филона, как иудаиста, соблюдающего заповеди еврея, комментирующего Писание, исходным и неоспоримым выступает текст (стихи 31:2-3 и 36:1 книги *Шмот – Исход*):

---

¹«Он был тоже александриец родом, за свое красноречие и знание греческой философии слыл первым среди наиболее известных современников наших, ибо в совершенстве изучил арифметику, геометрию, астрономию, а также другие науки: диалектику, физику, риторику. Поэтому говорят, александрийцы сочли, что он может открыть в Александрии школу Аристотелевых последователей» / Евсевий Кесарийский. Церковная история. Кн.7, 32.

«Смотри, Я призвал по имени (*б³-шем, именем*) Б³цал’эля, сына Ури, сына Хура из колена Йеуды. И Я исполнил его духом Божьим [*руах элохим*], мудростью [*б³-хахма*], и разумением [*твуна*] и знанием [*в³-даат*] во всяком ремесле [*бэ-коль млаха*] помышлять замыслы [*лахиов махашавот* – мыслить мысли] и делать [*лаасот*] ...».

«И сделают Б³цал’эль и Аолиав, и всякий муж, мудрый сердцем, которому дал Бог мудрость [*хахма*] и разумение [*твуна*], знание делать [*даат лаасот*] все ремесла [*коль-млэхэт*] священной работы [*аводат ха-кодеиш*] во всем так, как повелел Бог [*Ашем*]».

Филон Александрийский (*Legum allegoriae*, III, 96), как позднее, завершённый в шестом веке этой же новой эры Вавилонский Талмуд (Брахот, 55а), анализируют имя Бэцал’эля. Это имя **בְּצַלְאֵל** можно прочесть как **בַּל בְּצַל**, что означает «в тени Бога». И Всевышний призвал его «этим именем», потому что Бэцал’эль действительно стоял «в тени Бога» и пользовался дарованной ему Создателем мудростью, когда строил Скинию Завета [5, с. 7].

В католическом, латинском переводе этот библейский фрагмент приобрел вид [Exod 31:2, 3] «*ecce vocavi ex nomine Beselehel filium Uri filii Hur de tribu Iuda, et implevi eum spiritu Dei sapientia intellegentia et scientia in omni opere*».

В развитие этой когнитологической линии, берущей начало от Филона, относительно преемников ремесленника Бэцал’эля, «**призванного делать**» и пребывающего «в тени Бога», на заре «Великого восстановления», в «Библии Короля Иакова» (King James Version, 1611, Exodus – Chapter 36) уже фиксировалось, что Всевышний дарует “Bezaleel and Aholiab” нечто, выглядящее по-другому: “wisdom and understanding to **know how** to work all manner of work...”

Таким образом, «призванный делать» и «стоящий в тени Бога» с течением времени, и с наступлением Нового времени, оказывается «разумеющим **to know how**».

При этом «разумение *ноу хау*» *выходит* из тени Бога и претворяется в технологическое знание. То есть в *осознании умения* и в *ощущении знания* европейцем Нового времени заметно изменяется (и это изменение заметно) представление о *расположении* человека перед Всевышним, то есть, в частности, изменяется решение *проблемы человека*. Но *Знание* уже перестает быть «святым наитием», а «призванные делать» оборачиваются «людьми, не обремененными знаниями». Знание, присущее человеку, сменяется знанием, отделенным от человека.

Мы называем рассматриваемый нами здесь подход к проблемам знания не только *путем*, но и «школой Филона», в частности, потому, что здесь вербализованное знание все еще наблюдается как лишь *учительское* знание. Знание, члененное не по предметам, а *по учителям*, по школам. Слова, неоднозначно осмысляемые, применяются не для обозначения различных предметов, но для описания *разных сторон* предмета, раскрывающихся и выявляющихся в определенной практике. Здесь предмет есть еще не определяемый объект, но воспринимаемый некий фрагмент предметной действительности, присвояемый в рамках определенной деятельности и посредством нее. Здесь мы наблюдаем процесс, своего рода конструирования «объективной реальности», процесс полагания некоторой вещиности в качестве объекта, что происходит в процессе самоопределения субъекта – но конструирования реальности не как вещи, а как отношения.

В осуществляемом Филоном синтезе, пространство применения знания, поскольку оно есть учительское знание, – остается тем же. Филон определяет «искусство» (τέχνη, *techne*) как «систему понятий, согласованных ввиду достижения определенной цели». Что же касается «ученого знания» (ἐπιστήμη, *episteme*), то по определению Филона это «верное и определенное понятие (κατάληψις, *katalepsis* – восприятие), уверенность в котором невозможно опровергнуть с помощью аргументов». (*De congressu...* 141). Как подчеркивает Дж. Дилон, и первое определение (SVF I 73), и второе (SVF I 68) – стоические, и предполагают принятие стоической теории познания. Но в случае подхода Филона принципиально меняются обстоятельства, в которых это знание применяется. Те самые обстоятельства, которые, как мы помним, создаются людьми.

Дело в том, что иудаистская культура – это культура Завета. Здесь Завет рассматривается как основополагающее условие бытия, и, вместе с тем, такое условие, которое безусловно. Причем эта безусловность Завета не предполагает для состоящих в нем никаких преимуществ и никаких привилегий, ни в этом, ни в потустороннем мире. Иудаистская культура знает, что мир после Потопа сохраняется благодаря Завету Всевышнего с Ноем и его потомством (Быт. 9:13), что даже вечное воспроизведение чередования дня и ночи осуществляется не как «природное» явление, а как реализация Завета. При этом Завет есть *договор* (*covenant*), и есть, как следствие договора, добровольно взятое на себя исполнение *повеления* (*behest*). Когда позднее, и в иных культурах, Завет начнет пони-

маться как всего лишь *завещание* (testament), то есть как преимущественно *текст*, – завещание, которое по произволу завещателя можно отменить или заменить, тогда, разумеется, могут появиться «Завет Новый» (The New Testament, le Nouveau Testament). И, как следствие этого, «Завет Старый» (The Old Testament, L'ancien testament, Das Alt Testament). Он же завет «Ветхий». Напротив, пророк Иеремия сообщает Слово Господне, согласно которому невозможно, чтобы отверг Всевышний потомство Иакова так же, «как невозможно нарушить союз Мой (*брити, Завет Мой*) со днем и ночью, как невозможно, чтобы не установил я законов (*хукот*) неба и земли» (Иеремия, 33:25).

Еще раз напомним, что еврейская концепция Творения есть *креация*. В отличие от *эманации*, предполагающей неизменную первопричину, из которой все вещи происходят (истекают) по естественным законам, без сознательной воли, деградируя от ступени к ступени, и ничего не отнимая от своего источника. И в отличие от *эволюции*, концепции подразумевающей принцип развития материального и духовного мира в целом от менее сложного, менее совершенного, к более сложному. И в отличие от *формации* мира высшим ремесленником-Демиургом, находящим материю уже готовой для формирования его руками. Всевышний – не простой источник космических сил, но Личность, Субъект. Все «естественное» происходит благодаря Всевышнему, существует по милости Его и поддерживается Заветом с Ним.

Вернемся к уже цитированному стиху 36:1 книги Шмот (Исход):

«И сделают Бэцалэйль и Аолиав, и всякий муж, мудрый сердцем, которому дал Бог мудрость [*хахма*] и разумение [*твуна*], знание делать [*даат лаасот*] все ремесла [*коль-млэхэт*] священной работы во всем так, как повелел Бог».

В греческой версии этого стиха «καὶ ἐποίησεν (сделают) Βεσελεηλ καὶ Ελιαβ καὶ πᾶς σοφὸς τῆ διανοίᾳ», которым дана «σοφία καὶ ἐπιστήμη ἐν αὐτοῖς συνιέναι ποιεῖν πάντα τὰ ἔργα...». То есть в Библии «мудрость» (σοφία) и «знания» (ἐπιστήμη) «созидательные» (ποιεῖν), которые, по греческой иерархии как известно, знания *низшие*, знания «искусств», знания ремесленника, – эти знания дарует Всевышний.

Филон выдвигает идею *самовозникающей высшей* мудрости — добродетели. Этот «самопознаваемый род добродетели... наделен простой, незамутненной и несмешанной природой и не нуждается ни в упражнении, ни в обучении» [15, с. 360]. С этой *самопознаваемой* добродетелью, которая, в отличие

от *научающей* добродетели, не нуждается во множестве подготовительных наук, соединяется совершенство, τελειότης и радость, χαρά, – лучшее из высших наслаждений, εὐλόθειαι. Добродетель здесь является не наградой за тяжелый труд, а из себя созревшим плодом. Эта добродетель-мудрость *даруется*, возникает непосредственное «от Бога», и тогда становятся ненужными все пути человеческого познания. «Коль скоро Бог излил с небес на землю благо самопознаваемое и самообучающее, ... нашедший не требующую труда и мучений добродетель благодаря ее счастливой природе и плодovitости ее души не ищет ничего лучшего. Он имеет в готовом виде совершенные дары Бога, одухотворенные главными благами, χάριτες, и желает и молит, чтобы эти дары с ним оставались...» (De congressu eruditionis gratia, § 36–38) [там же].

Поэтому путь «естественный» – есть путь «природной доброты» или «святости», ὁσιότης, которая, соответственно, не равна аристотелевой «природе», φύσις.

Во-первых, в том, что касается определений «знания», согласно Филону «знание (ἐπιστήμη) превосходит искусство (τέχνη) тем, что обладает твердостью и не может быть поколеблено разумом. Ведь искусство (τέχνη) определяется так: соединение (σύστημα) восприятий (κατόληψις), направленное на какую-нибудь полезную цель; «полезный» тут добавлено правильно, потому что бывают злые искусства (κακοτέχνια)¹. А определение знания (ἐπιστήμη) таково: восприятие устойчивое и твердое, которое не может быть поколеблено разумом.

И вот музыку, грамматику и тому подобное мы называем искусствами (τέχναι), а тех, кто ими занимается – искусниками (τεχνίται); философию же и другие добродетели мы зовем науками (ἐπιστήμαι), а тех, кто ими обладает – учеными (ἐπιστήμονες). Ведь они – люди разумные и мудрые, они – философы, и никто из них не ошибается в положениях своей науки, как названные первыми – в правилах средних искусств» [16].

Филон тоже видит два источника знания. Это знание, которое можно приобрести чтением книг, в особенности священных книг, – и знание, которое можно получить обучением у «некоторых из старейшин народа» (De Vita Mosis 1.4), то есть путем вполне традиционным². А. Териан цитирует само-интерпретацию Филона как скорее переводчика, чем учителя, – раз-

¹kakotecn...а вообще означает *обман* или *уловка*, но здесь подразумевается его этимологическое значение *дурное искусство*.

²Как сказано у Бен-Сире (8:11), «Не удаляйся от повести старцев, ибо и они научились от отцов своих».

личие, которое проявляется в том, что учитель передает свое собственное знание другим, в то время как переводчик представляет вещи, ставшие известными от других [24, pp. 56-84].

Каким образом были первоначально получены такие знания, ныне «ставшие известными от других», – обретаемые из священных книг и у старейшин народа, – это пока что еще не слишком интересно. Будущий предмет гносеологической рефлексии пока еще объединяется (и прикрывается) только становящимся у Филона *понятием* Бога. Понятием, которое, где-то в перспективе, может стать и априорной формой чувственного созерцания, превращающей ощущения в явления. И может стать категорией рассудка («Единственность»), привносящей в многообразие явлений единство. И может стать Идеей разума, превращающей понятия в систему знания. *Может* стать, и *станет* – но потом. Здесь и сейчас важно не это.

Здесь знание, по преимуществу, это – уже упомянутые «*сами священные законы*» (постигаются чтением книг), «а кроме них – *неписанные правила жизни*» (постигаются обучением у старейшин).

Но здесь и нечто новое. Конечно, здесь знание, отделяемое от человека, знание, ощущаемое как *доступное всем*, все еще есть знание вербализованное, знание, выраженное словесно. Иными словами, как было рассмотрено Платоном в «Кратиле», подобно тому, как для тканья нужно орудие – челнок, разделяющий основу, так и для речи тоже нужно *орудие (органон), разделяющее сущность в целях обучения*, и это орудие (орудие речи) – *имя*. (Курсив мой – М.Ш.) [13]. Разделенные именами в целях обучения, выявляемые словом, «словесно выраженные» вещи и постигаются, делаются своими на пути образования.

Отличие здесь, пожалуй, лишь в том, что, будучи *толкователем текста*, Филон *исходит* не из понятия, и, следовательно, не из имени, как это делали Платон и Аристотель, а из предложения. Как поступали стоики, которым Филон, как говорилось, во многом следовал.

Знание и онтогенетически, и филогенетически, выступившее как «услышанное», знание, которое «есть», это знание, в отличие от навыка, в отличие от умения, есть знание в слове. Здесь и проявляется различие *обучения* от *упражнения*. «... Ведь тому, кто учится, свойственно слушать голос и слова, ибо только ими он и обучается.

Тот же, кто обретает благо упражнением, ἄσκησις, а не обучением, μάθησις, обращает внимание не на слова, а на говорящих, и подражает их жизни в своих поступках, безупречных во всем [16, с. 365].

«Учителя, пишет в другом месте Филон, старающиеся свои уроки сообщать со своим собственным превосходством, а не со способностями своих учеников, являются глупцами, не понимающими, *сколь велика разница между уроком и показом.*

Ибо человек, *делающий показ*, в полной мере использует богатый урожай достигнутого им мастерства и выносит на всеобщее обозрение то, над чем он беспрепятственно трудился дома в течение длительного времени, подобно тому, как это делают со своими произведениями художники или ваятели, в погоне за похвалою толпы; в свою очередь, *человек, приступающий к преподаванию*, смотрит, словно хороший врач, не на необъятность своей науки, но на силу пациента, и применяет не все [те средства], которые предоставляет ему его знание, – ибо число их бесконечно, – но, догадавшись, что необходимо больному, предпочитает избегать как избытка, так и недостатка» (Курсив мой – М.Ш.) [15, с. 282].

Разумеется, не следует недооценивать общий интеллектуальный уровень Александрии первого века новой эры. Достаточно вспомнить земляка Филона – Герона Александрийского¹, который изобрел *эолипил* – первую реактивную паровую турбину. Сохранилось сочинение Герона «Механика» или «О подъеме тяжелых предметов». Труд этот есть учебное пособие, написанное для слушателей александрийской технической школы, в состав которой входило два отделения: то λογικόν, то есть теоретическое, и то χειρουργικόν (дословно – «рукодельное»), то есть практическое², – разделение, конгениальное представлениям Филона об учительстве и ученичестве. Городской образ жизни, обязательная грамотность и структура занятий явно способствовали интеллектуальному развитию населения Александрии. Однако, как показал еще в 1948 г., отвечая Л. Мэмфорду и другим, А. Койре, несмотря на математиче-

¹Для уточнения времени жизни Герона Александрийского, труды которого сохранились в арабских переводах и отрывках по-гречески, важным оказалось упоминание полного лунного затмения 62 г. н.э., одновременное наблюдение которого в Александрии и Риме Герон использовал для определения разницы долгот между этими городами [14, с. 329]. Существует мнение, что создание «Механики» Герона следует датировать 51 г. н.э. [4, с. 275].

²Во введении к курсу Герон пишет: «Необходимо, чтобы те, кто хочет ознакомиться с механическим искусством, знали, каковы причины, действующие при каждом виде движения, и необходимо, чтобы учащимся ничего не предлагалось без доказательства и ничто не становилось у них предметом сомнений» [Цит. по: 7, с. 62].

ские и технические достижения александрийцев, античная техника осталась на пред-технологической, пред-научной стадии. Остановилась, – несмотря на внедрение многочисленных элементов геометрии и механики (статики) в *t̄scnh*, – заложив основы технологии, но отказавшись от ее развития. «Но почему, спросим себя еще раз, она этого не сделала? По всей видимости, потому что к этому она не стремилась. А не стремилась в свою очередь потому, что была уверена в невозможности добиться успеха на этом пути» [9, с. 109].

Поэтому и оказалось невозможным, снимая апорию эллинского, «античного» осмысления человека как существа общественного, и еврейской, «ветхозаветной» традиции личностного диалога человека с Богом как надмирной Личностью, отождествить два «ортогональных» способа, или два «плана», два пространства осознания знания: знания, как предпосылки *созидания должного*, и знания, как результата *созерцания сущего*.

Даже там и тогда, где и когда речь шла о знании «сообщаемом», «проговариваемом», фиксированном в тексте, «учительском» знании. О знании, как о том, чему можно и должно научиться ради самого знания. О знании, ценном самом по себе. Когда подразумевалось «знание и понимание ради самого знания и понимания», «ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы» (Метафизика, I 2, 982a 30-31, 982b 20-21).

Но понимание знания как того, что может быть преподано, ведет к членению знания *не* по объектам познания, *не* по предметам действия, *не* по сферам действия, и *не* по ожидаемым продуктам его применения. Ощущение знания как того, что может быть преподано, ведет и к членению знания по преподавателям, по школам, преподающим «все знание», и по дисциплинам.

По-другому стали выглядеть иные случаи обретения знания. Случаи, когда не *знание дается, даруется* человеку, но действует приобретающий знание человек. Это – либо *слушание* учителя, либо *подражание* ему. Подражание, то есть повторение движений-действий учителя, и постепенного постижения их смысла, поскольку критерий постижения смысла есть «делание». Там, где «смысл» не удастся выразить в слове или рисунке. Либо – либо. То есть, ощущение знания как оперирования либо с формой деятельности, отделенной от деятельности, либо не отделенной от нее. Но именно с этой точки зрения, с позиции понимания знания как того, что «может быть передано», традиция, как *передавание* в собственном смысле, и предложила

членение на «слушание учителя» (который знает причины) и созерцание (подражание) учителю, который или *умеет* делать, или знает *как*.

Таким образом, у Филона мы обнаруживаем осознание многообразия знаний, различающихся по источникам, способу получения и особенностям передавания. Это многообразие, однако, не сводится только к видам, передаваемым *словесно*, но предполагает знание, словесно не передаваемое. Среди таких знаний, словесно не передаваемых, или не всегда передаваемых, кроме знания, даруемого «озарением» и «осенением», примечательно для нашей проблемы: во-первых, знание, добываемое *собственным разумом*. И, во-вторых, знание, получаемое отнюдь *не слушанием* учителя, а созерцанием его и *подражанием* ему. Последнее, очевидно, есть знание, не включаемое в «философию». Философия как образование есть такое передавание знания, которое отличается и от воспитания, и от научения. Но которое готово воспринять идею *законосообразности* предмета знания.

Как писал Эдгар Цильзель, «Идея могла быть сохранена в элементарной форме в течение двух тысяч лет, даже через период, в который она не соответствовала социологическим условиям, пока она не проснулась к новой жизни в раннем капиталистическом абсолютизме» [21].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С.* Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
2. *Аристотель.* Физика / Пер. В.П. Карпова. М.: Соцэкгиз, 1937.
3. *Афонасин Е.В.* «Строматы» Климента Александрийского / Предисловие к книге: Климент Александрийский. Строматы. Кн.1-3. СПб., 2003.
4. *Ахутин А.В.* История принципов физического эксперимента. М.: Наука, 1976.
5. *Глазерсон Матитьягу, рав.* Огненные буквы. М., Иерусалим: Gesharim, 1997.
6. *Диллон Джон.* Средние платоники, 80 г. до н. э. – 220 н. э. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2002, Алетейя, 2002. – 448 с.

7. *Дорфман Я.Г.* Всемирная история физики с древнейших времен до конца XVIII века. М.: Наука, 1974.
8. *Иосиф Флавий.* Иудейские древности. Т. 2 / Пер. с греч. Г. Генкеля — М.: КРОН-ПРЕСС. 1994
9. *Лурье С. Я.* Антисемитизм в древнем мире, попытки объяснения его в науке и его причины. — Петроград, Издательство “Былое”, 1922 // Перепечатка: *Филон Александрийский.* Против Флакка. О посольстве к Гаю. *Иосиф Флавий.* О древности еврейского народа. Против Апиона. — Москва — Иерусалим, 1994, Приложение. (Отдельная пагинация), стр. 165.
10. *Маркус Ральф.* Эпоха эллинизма // Три великие эпохи в истории еврейского народа. Иерусалим, 1991.
11. *Матусова Е.Д.* Филон Александрийский – комментатор Ветхого Завета // Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2000.
12. *Платон.* Кратил // Сочинения. М.: Мысль, 1990. Т.1.
13. *Рожанский И.Д.* История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. М.: Наука, 1988.
14. *Филон Александрийский.* О потомках надменного Каина и о его изгнании / Пер. А.В. Рубана, ком. И.А. Макарова // Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2000.
15. *Филон Александрийский.* О соитии ради предварительного обучения / Пер. и ком. М.Г. и В.Е. Витковских // Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2000.
16. *Шульман М.М.* Ощущение знания. Когнитологические альтернативы в европейской культурной традиции. В 2 ч. Ч. 2. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009.
17. *Шульман М.М.* Знание, ориентированное на истину, и знание, направленное на пользу: терминологические основания проблемы взаимопревращения научного и технологического знания // Гуманитарные и социальные науки. 2017. №. 1.

18. *Шульман М.М.* Личностные основания безличного научного знания // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5.
19. *David T. Runia* References to philo from josephus up to 1000 A.D. // *Studia Philonica*. 1994. No 6.
20. *Edgar Zinsel*. The genesis of the concept of physical law // *The Philosophical Review*. May, 1942. No 51 (3).
21. *Goodenough E.R.* Philo and public life // *Journal of Egyptian Archaeology*. 1926. No 12.
22. *Schwartz J.* Note sur la famille de Philon d'Alexandrie // *Melanges Isidore Levy Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves*. 1953. No 13.
23. *Terian A.* Inspiration and originality: Philo's distinctive exclamations // *The Studia Philonica. Annual: Studies in Hellenistic Judaism. Vol. VII. Atlanta*, 1995.
24. *Torrey Seland*. What do we know about Philo, his authorship, and his addressees? // Revised and expanded version of a section of "Establishment Violence in Philo and Luke: A Study of Non-conformity to the Torah and Jewish Vigilante Reactions" (*Biblical Interpretation. Series 15*) Leiden: E.J. Brill, 1995. [http://www. Hivolda.no/asf/kkf/tshompag.html](http://www.Hivolda.no/asf/kkf/tshompag.html)

REFERENCES

1. *Averintsev S. S.* the Greek "literature" and near Eastern "slovesnost" // the rhetoric and the origins of the European literary tradition. M.: School "Languages of Russian culture", 1996.
2. *Aristotle*. *Physics* / Ed. V. P. Karpov. Moscow: Sotsekgiz, 1937.
3. *AFONASIN E. V.* "Stromaty" of Clement of Alexandria / the Foreword to the book: *Clement of Alexandria. Stromaty. KN.1-3. SPb.*, 2003.
4. *Akhutin, A. V.* *History of the principles of physical experiment*. M.: Nauka, 1976.
5. *Glazerson, Mattityahu, Rav*. *Fire letters*. M., Jerusalem: Gesharim, 1997.

6. *Dillon John*. Average platonici, 80 BC – 220 ad SPb.: IZDATEL'stvo Olega Abyshko, 2002, Aletheia, 2002. – 448 p
7. *Dorfman J. G.* the worldwide history of physics from ancient times to the late eighteenth century. M.: Nauka, 1974.
8. *Josephus*. Antiquities of the Jews. Vol. 2 / Ed. with the Greek. G. Henkel — Moscow: KRON-PRESS. 1994
9. *Lurie, S. J.* anti-Semitism in the ancient world attempts to explain it in science and its causes. — Petrograd, Publishing House “The Past”, 1922 // Reprint: *Philo Of Alexandria*. Against Flaccus. On the Embassy to Gaius. *Josephus*. The antiquity of the Jewish people. Against Apion. — Moscow — Jerusalem, 1994, App. (Separate pagination), p.165.
10. *Marcus Ralph*. The Hellenistic era // the Three great epochs in the history of the Jewish people. Jerusalem, 1991.
11. *E. D. Matusova* Philo of Alexandria, a commentator of the old Testament // Philo. The Interpretation Of The Old Testament. Moscow: Greco-Latin Cabinet Shichalina J. A., 2000.
12. *Plato*. Cratel // Works. M.: Thought, 1990. Vol.1.
13. *Rozhansky, I. D.* History of science in the Hellenistic period and the Roman Empire. M.: Nauka, 1988.
14. *Philo Of Alexandria*. About the haughty descendants of Cain and his exile / Ed. A. V. Ruban, com. I. A. Makarov // Philo. The Interpretation Of The Old Testament. Moscow: Greco-Latin Cabinet Shichalina J. A., 2000.
15. *Philo Of Alexandria*. About intercourse for prior training / Per. and kom. M. G. and V. E. Witkowska // Philo. The Interpretation Of The Old Testament. Moscow: Greco-Latin Cabinet Shichalina J. A., 2000.
16. *Shulman M. M.* the Sense of knowing. Cognitologists alternatives in the European cultural tradition. 2 h H 2. Rostov-na-Donu: Izd-vo yufu, 2009.
17. *Shulman M. M.* Knowledge-based truth and knowledge, designed to use: terminological foundations of the problem of interconversion of scientific and technological knowledge // Humanities and social Sciences. 2017. N. 1.
18. *Shulman M. M.* Personal grounds impersonal scientific knowledge // the Humanities and social Sciences. 2012. N. 5.

19. *David T. Runia* References to Philo from Josephus up to 1000 A.D. // *Studia Philonica*. 1994. No 6.
20. *Edgar Zinsel*. The genesis of the concept of physical law // *The Philosophical Review*. May, 1942. No 51 (3).
21. *Goodenough E.R.* Philo and public life // *Journal of Egyptian Archaeology*. 1926. No 12.
22. *Schwartz J.* Note sur la famille de Philon d'Alexandrie // *Melanges Isidore Levy Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves*. 1953. No 13.
23. *Terian A.* Inspiration and originality: Philo's distinctive exclamations // *The Studia Philonica. Annual: Studies in Hellenistic Judaism. Vol. VII. Atlanta*, 1995.
24. *Torrey Seland*. What do we know about Philo, his authorship, and his addressees? // Revised and expanded version of a section of "Establishment Violence in Philo and Luke: A Study of Non-conformity to the Torah and Jewish Vigilante Reactions" (*Biblical Interpretation. Series 15*) Leiden: E.J. Brill, 1995. [http://www. Hivolda.no/asf/kkf/tshompag.html](http://www.Hivolda.no/asf/kkf/tshompag.html)

---

20 марта 2017 г.